

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО СССР
ВОСТОЧНАЯ КОМИССИЯ

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА

Под общей редакцией
члена-корреспондента АН СССР
Д. А. ОЛЬДЕРОГГЕ

ВЫП. XX

СТРАНЫ И НАРОДЫ
БАСЕЙНА ТИХОГО ОКЕАНА

Книга 4

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Главная редакция восточной литературы
Москва 1979

И. К. Федорова

ОКЕАНИЙСКО-АМЕРИКАНСКИЕ ПУТЕШЕСТВИЯ В ДРЕВНОСТИ

(По материалам фольклора народов Океании и Перу)

Несмотря на большие достижения последних лет в области геологии, биогеографии, климатологии, археологии, антропологии и этнографии, проблема заселения Американского континента, его связей со Старым Светом не решена еще до конца. Научная литература, посвященная спорным аспектам этногенеза Америки, обширна, и обзор ее не входит в задачи автора этой статьи. Цель автора, не касаясь вопросов заселения, показать на материале фольклорных версий полинезийцев и американских индейцев, живущих на побережье Тихого океана, характер контактов, существовавших между населением Нового и Старого Света.

Тихий океан отнюдь не представлял собой безбрежной, непреодолимой для аборигенов Океании и Америки пустыни без «дорог» и попутных ветров. В Тихом океане идет постоянная циркуляция масс воды благодаря теплым и холодным течениям и под действием пассатов и ветров, которые в определенное время года бывают довольно постоянными. В северной части океана течения образуют замкнутое кольцо, несущее воды по часовой стрелке из тропиков к берегам Филиппин, Японии и далее к северо-западному побережью Северной Америки.

Дрейфы небольших судов аборигенов в этих довольно холодных и бедных морской фауной широтах практически не играли никакой роли в морских связях населения Океании и Америки. Особенности течений и ветровой режим в этой части Тихого океана приводили лишённое управления, примитивное суденышко к трагическому концу у труднодоступных скалистых берегов Северной Америки. В наиболее благоприятных случаях течение прибывало мореплавателя к Гавайским островам [1, с. 83—87; 21].

В южной части Тихого океана существуют два устойчивых и мощных течения — Южное пассатное (образуемое под воздействием юго-восточных пассатов) и течение Западных ветров. Южное пассатное течение следует с востока на запад от бере-

гов Южной Америки. Южные ветви его, огибая острова юго-восточной и западной Полинезии, сливаются с течением Западных ветров, несущим воды от берегов Австралии к узкому проливу Дрейка (между Огненной Землей и Антарктидой). Часть холодных вод отклоняется на север и образует у берегов Южной Америки мощное Перуанское течение. По мнению ученых, Южное пассатное течение (в сочетании с устойчивыми юго-восточными ветрами) представляет собой удобный трансокеанский путь с востока на запад. Однако ветровой режим и высокое навигационное искусство допускали плавание под любым углом к основному направлению этого течения и даже против него [2, с. 18—20].

Океанографические и метеорологические данные показали, что в районе экватора, к востоку от Филиппин, преобладают ветры западных румбов [1, с. 89]. Следовательно, экваториальное, или Межпассатное, противотечение благоприятствовало плаваниям на восток к берегам Южной Америки.

Течение Западных ветров проходит в холодных широтах (южнее 40°) и не могло в древности служить путем из Океании в Южную Америку [2, с. 20—21]. Не исключено, что полинезийцы проникали и в высокие широты Тихого океана [8, I, с. 40].

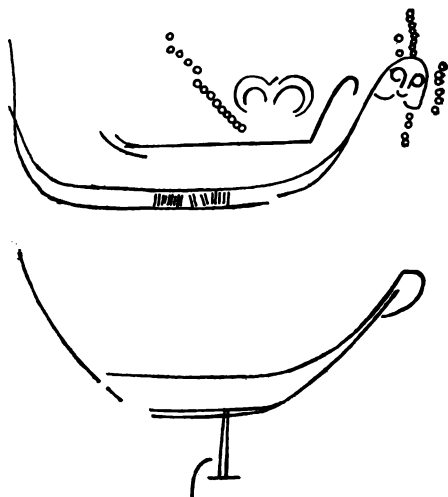
Юго-Восточная Океания лежит вне Южного пассатного течения, внутри великого Южного кольца. К тому же ветровой режим в этих районах таков, что создает неблагоприятные условия для плавания как на запад, так и на восток [2, с. 21—22].

Можно считать вполне доказанным, что лодка с аутригером или двойная лодка с парусом или без него были теми транспортными средствами, пользуясь которыми предки народов, населяющих ныне острова Океании, двигались с запада на восток.

Меланезийцы плавали главным образом на лодках-однодеревках, держась обычно вблизи островов, редко уходя далеко от берегов своих архипелагов. Микронезийцы, и особенно полинезийцы, были отважными мореходами и располагали более развитыми транспортными средствами. Поэтому иногда они уходили и далеко от берега (доплывая даже до Фиджи).

Помимо долбленых челноков, использовавшихся при плаваниях вдоль берегов и во время рыбной ловли, полинезийцы строили дощатые лодки (см., таит. *va'a*, тонг. *vaka*, гав. *wa'a*, маор. *waka*, рап. *vaka*, марк. *vaka, vaa, poti*) с балансиром-аутригером и двойные лодки (таит. *taurua, tipa'irua, tau'ali, tau'ipiri*, сам. *'alia*). Балансир (тонг., сам., гав., маор., рап. *ata*) — длинный кусок легкого дерева, державшийся на поверхности на небольшом расстоянии от лодки и придававший ей большую остойчивость. Соединялся балансир при помощи горизонтальных перемычек (рап. *kiato*), прикреплявшихся одним концом к балансиру, другим — к верхним краям бортов лодки.

Прикреплялся балансир обычно справа. Лодка оснащалась мачтой, парусами, веслами-гребками, ковшами и каменными якорями. На некоторых ладьях устанавливали до трех мачт (сам. *ʃana*, тонг. *ʃanā*, сам. *tila*, тонг. *tira*, марк. *tiā*, таит. *tira*, маор. *rewa*, *tira*, гав. *kila*, рап. *tu'u*). Паруса (сам., тонг. *lā*, маор. *rā*, таит. *ʃano*, *ra*, *tere*, *tuara*, рап. *kahu vaka*) полинезийцы изготовляли из циновок, сплетенных из пандуса, которые сшивали, придавая им форму треугольника, и натягивали на деревянные реи. Ладьи оснащались иногда парусом-непринтовом с вершиной треугольника с основания мачты или латинским парусом с реями, укрепленными на мачте, причем вершина находилась впереди на носу.

Наскальные изображения лодок с высоким носом и кормой (о-в Пасхи)

Полинезийцы гребли веслами-гребками (сам. *foe*, тонг. *fohe*, марк. *hoe*, рап. *hoe*), смотря все время вперед на убегающий горизонт. Вместо руля полинезийцы употребляли рулевое весло.

Хотя полинезийцы и смолили лодки, течь все же бывала сильной и воду приходилось вычерпывать ковшами (марк. *ko-ko*). Отправляясь в плавание, полинезийцы брали с собой каменные якоря (сам. *tauva'a*, тонг. *taula*, маор. *punga*, гав. *kau*, таит. *tau*, *tutaro*, *tutau*, *ti atau*, рап. *aka*); в них просверливали отверстия для каната. Во время шторма носовые якоря бросали за борт, чтобы ладья всегда была обращена носом к волне; легкие якоря применялись для определения направления течения (вероятно, в виде буйков) [3, с. 45, 51—52].

Из преданий известно, что полинезийцы отправлялись в море на лодках с балансиром (сам. *paopaо*, рап. *vaka ата*); эти лодки были легкими, двигались быстро, а балансир не давал лодке опрокинуться. Для дальних плаваний, для перевозки людей с запасами пищи и воды строились более крупные суда: в этих случаях на борта лодок нашивали ряды досок или заменяли балансир второй лодкой, превращая тем самым простую лодку в двойную [3, с. 46, с. 53].

По сообщениям первых европейских мореплавателей, побывавших в Полинезии, можно представить себе размеры полинезийских судов. Длина их достигала обычно 60—80 футов, а некоторые из них были свыше 100 футов в длину. В музее Оклен-

да хранится лодка маори длиной 83 фута. Две лодки от 70 до 80 футов, соединенные палубой, могли вместить большое количество людей. Некоторые военные таитянские суда выдерживали, как пишет Те Ранги Хироза, вес около ста воинов [3, с. 54; 8, с. 26—30]. Полинезийские лодки, даже средней величины, могли перевозить большое количество людей, животных, растений, пищу, воду.

В одной из легенд, приводимой Теаурой Хенри, рассказывается о том, как две сестры отправились в Хити-По за невестой для одного из своих братьев. На палубе большой лодки — пахи, на которой они поплыли по океану, были сделаны четыре маленькие хижины для принцесс, лодка была нагружена провиантом и подарками для невесты [15, с. 608].

О переселении легендарного Хоту Матуа на о-в Пасхи в одной из фольклорных версий говорится следующее:

«На лодках прибыли люди, куры, кошки, черепахи (?), собаки; бананы, растения махуте, хибискус, ти, торомиро, мариктуру, макои, сандал, тыква, ямс, бананы пукапука, каротеа, хихи, онахоа, паху. Сотни, сотни подданных прибыли в эту страну на лодках» [16, с. 60].

Отправляясь в плавание, полинезийцы брали с собой муку из плодов пандануса, вяленую рыбу, печеные плоды, заготовленные впрок, сухой сладкий картофель, воду в калебасах или в сосудах из кокосовых орехов. Брали они с собой и домашнюю птицу, которую кормили мякотью кокосового ореха, а потом резали по мере надобности. По пути ловили рыбу, огонь разводили в лодке на подстилке из песка, дрова они всегда брали с собой [см. 3, с. 55].

Полинезийские мореплаватели, отправлявшиеся в океан, брали с собой опытную команду.

Легендарный гавайский мореход Рата решил отправиться в лодке по океану, с тем чтобы отомстить за своих родителей:

«Он притащил свою лодку к лагуне, чтобы убедиться, что она обладает хорошими мореходными качествами. Лодка плыла лучше, чем любая другая лодка из тех, которые можно было видеть здесь раньше. Но у Рата не было ни одного человека, который бы поплыл с ним в лодке. Тогда к нему подошел какой-то человек и окликнул его:

— О Рата, куда ты направляешься?

— Я отправляюсь в океан, чтобы отомстить за смерть моей матери и моего отца.

Человек сказал тогда:

— Я хочу с тобой.

— А ты кто?

— Я — гребец.

— Садись в лодку, гребец, — сказал Рата.

Подошел другой человек и сказал:

— О Рата, куда ты держишь путь?

- Я плыву в океан, чтобы отомстить за смерть матери и отца.
- Я хочу плыть с тобой.
- Ты кто?
- Я делаю канаты.
- Садись в лодку!
- Подожли еще люди.
- Кто вы?
- Я делаю паруса.
- Садись в лодку!
- Я тот, кто вычерпывает воду из лодки.
- Садись в лодку!
- Подожли еще трое.
- Кто вы?
- Я — штурман.
- Я — гребец.
- Я — рулевой.

Когда эти сели в лодку, в команде Рата стало семь человек. Они подняли парус, взялись за весла и приготовились отплыть через океан» [11, с. 77—78].

Пользуясь своими быстроходными лодками, отличающимися большой грузоподъемностью, народы Океании открывали в Тихом океане один остров за другим. Дальше других продвинулись на восток полинезийцы. Причины и цели плаваний были разными: были плавания с целью найти необитаемые острова и заселить их (переселение было вызвано плохими условиями жизни на родном острове или перенаселенностью); потерпев поражение в междоусобных войнах, полинезийцы также отправлялись в дальние странствия, ища спасения в водах Тихого океана; наконец, плавания служили средством общения между населением разбросанных островов. Мотивы эти нашли отражение и в фольклоре Океании. О плавании с целью открыть новые острова в очень поэтической форме рассказывает, например, легенда о вожде Рата, записанная у жителей о-ва Аитутаки (о-ва Кука):

«В волшебной стране Куполу жил знаменитый вождь Рата, который решил построить большую двойную ладью и отправиться на поиски других земель. Взяв топор на плечо, он пошел в долину, где рос отличный строевой лес. У самого берега горной речушки росло огромное дерево, у подножия которого шла борьба не на жизнь, а на смерть между белой цаплей и пятнистой морской змеей...

Прекрасная птица лежала, уже измученная, [на земле]. Ее неутомимый враг, уверенный в победе, уже приготовился к последней атаке, но Рата зарубил его на части и таким образом спас жизнь белой цапле... С ветки дерева, растущего на некотором расстоянии, цапля весь день наблюдала за работой Рата. Как только вождь ушел вечером, благодарная птица полетела и собрала всех птиц Куполу, чтобы выдолбить лодку для Рата. Они с удовольствием исполнили приказание и долбили клювами до тех пор, пока не

выдолбили огромный ствол. Начало уже светать, прежде чем они закончили свою работу. Наконец они решили переправить лодку на берег, к жилищу Рата. Чтобы сделать это, все птицы сели по краям лодки, по сигналу они распростерли крылья, одним [крылом] держали лодку, другим [взмахивали, чтобы] лететь. Летя с лодкой по воздуху, они пели на разные лады. Добравшись до песчаного берега, напротив хижины, птицы осторожно опустили лодку и мгновенно исчезли в чаще леса. Рата быстро снабдил лодку, построенную птицами, матой и парусом, созвал своих друзей, положил в лодку пищу и запасы воды, необходимым в задуманном им путешествии. Когда все было готово, он сел в лодку. Хитрый Нганаоа, видя, что лодка готова отплыть без него, схватил пустую калебасу, выдолбил дно, влез в нее и плыл по Океану, пока не оказался впереди лодки... Из калебасы раздался голос:

— О Рата, возьми меня в свою лодку!

— Куда ты направляешься? — спросил вождь.

— Я направляюсь, — ответил бедняга из калебасы, — в Страну Лунного Света, чтобы отыскать там своих родителей...

Рата снова спросил [его]:

— Какую услугу окажешь мне, если я возьму тебя с собой?

[Нганаоа обещал] уничтожить всех морских чудовищ, которыми, возможно, кишит путь...

Быстро и весело, подгоняемые легким ветерком, летели они по волнам океана в поисках новых земель. Однажды Нганаоа закричал: „О Рата, страшный враг показался в море“. Это было чудовище огромной величины. В один момент ужасное чудовище могло раздавить их всех в своей пасти. Но Нганаоа был уже начеку. Он схватил свое длинное копье и быстро пронзил им рыбу...

Снова спокойно продолжили они свой путь. Но еще одна опасность поджидала их. Однажды храбрый Нганаоа закричал: „О Рата, вон огромный кит!“. Огромная пасть была широко открыта, одна челюсть — под лодкой, другая — над ней. Кит намеревался проглотить их всех живыми. Нганаоа, убийца чудовищ, сломал свое копье пополам и в критический момент, когда кит готов был раздавить их, ловко вставил обе палки в пасть врага, так, что тот не мог сдвинуть челюстей. Нганаоа ловко прыгнул огромному киту в пасть и осмотрел его желудок, и вот! Там сидели его давно пропавший отец Таиритокерау и его мать Ванароа, которых, когда они ловили рыбу, проглотило это чудовище морских пучин. [Чудовище поплыло к ближайшей земле, где отец, мать и сын вышли на берег из раскрытой пасти кита.]

Утверждают, что это был остров Ити-те-Марам — Остров Лунного Света. Здесь лодку Рата вытащили на берег, и некоторое время все они весело жили здесь. Они ежедневно подкрепляли свои силы фруктами, которые росли на деревьях, и рыбой, украшали себя огромными цветами. Наконец они стали тосковать по своей родине Аваики¹ и решили туда возвратиться. Была приготовлена и спущена на воду лодка, туда погрузили пищу и воду. Поставили большой парус, сделанный из циновки, и смелый мореплаватель Рата вместе с родителями Нганаоа и всей командой наконец, снова отплыл от бе-

¹ Легендарная родина полинезийцев.

рега. Спустя много дней, не встречаясь больше с опасностями, они в конце концов достигли своего родного дома в Стране Заходящего Солнца» [20, с. 91—92].

Другая легенда, записанная также на о-вах Кука, повествует о том, что о-в Аитутаки был открыт мореплавателем Ру. Видя, что его родная земля перенаселена, он собрал свою семью, мужчин, женщин, детей, всего около 200 человек, и отправился в океан искать новые удобные острова, где бы можно было обосноваться. Ветер прибил путешественников к о-ву Аитутаки. Остров понравился Ру, и он решил здесь обосноваться [3, с. 99—100; 15, с. 465].

Верховный арики рапануйцев Хоту Матуа покинул свою родину, потерпев военное поражение. Отправляясь в океан, Хоту Матуа знал о том, что где-то на востоке находится необитаемый остров. Более того, он направил туда разведчиков, чтобы те выяснили, каковы там условия для жизни [16, с. 58—60].

Тайтяне в одной из легенд рассказывают о том, как их хитроумный предок Мауи, полубог-получеловек, совершил плавание к близлежащим и дальним островам:

«После того как Ру и Хина заселили земли, Мауи и его команда снова отплыли в океан навстречу своему королю Ама-таи-атеа (Аутриггер обширного океана). Когда он со своими людьми подходил к земле, то строил там храмы и передавал их жрецам. Они плыли к берегам [океана]. Они шли на восток, к Туамоту и Мангареве. Они отправились на юг — к Тубуаи, Руруту, к островам Длиннохвостых Попугаев, [островам] Риматара, Мангаиа, Раротонга и к Те-ло-Теа-Роа (Длинная Белая Страна)² Маори (Новая Зеландия). Они обошли все [острова] в этих направлениях. Они пошли на запад, к Тутуила, Уполу, Савани (Самоа), а также к Вавау, Атиу, Ахуаху и Маатеа (или Макатеа, который раньше называли Папатеа). Они пошли на север к далеким Маркизским островам и к жаркому 'Аихю (Гавайям)» [15, с. 464].

В Полинезии совершались плавания и с военно-политической целью. На многих островах Полинезии (Таити, Маркизских, Мангарева, Раротонга) вплоть до последней четверти XIX в. существовали союзы ареоев, поддерживавшие интересы верхушки полинезийского общества. Число ареоев было значительным. Согласно преданиям, у о-ва Раиатеа, например, сходилась иногда до 150 лодок, в каждой из которых редко бывало менее 30—40 человек ареоев, а зачастую находилось человек 100 [17].

Переезжая с острова на остров, ареои давали театрализованные представления. Верховные вожди и знать с нетерпением ждали прибытия ареоев и их представлений. По существу же ареои были военной и политической силой, стремившейся подчинить своим интересам вождей и знать того или иного остро-

² Аустральные (Тубуаи) и близлежащие острова славились попугаями, перья которых полинезийцами очень ценились. Пояснения автора версии даются в круглых скобках.

ва. Возможно, что им случалось овладеть целым островком (например, о-вом Пасхи) [4].

Хорошее знание возможностей транспортных средств полинезийцев, изучение особенностей плаваний в тропических широтах Тихого океана, направлений течений, ветров позволяют исследователям сделать вывод о том, что полинезийские мореплаватели бороздили воды океана со скоростью 120—140 миль³ в день, а иногда и быстрее. Следовательно, при благоприятных условиях расстояние между Таити и Гавайскими островами можно было покрыть за 16 дней, между Таити и Новой Зеландией — за 17,3 дня, между Тонгатабу и Новой Зеландией — за 8,7 дня, между Нукухива (Маркизские острова) и Гавайскими островами — за 13,4 дня [14].

Навигационное искусство народов Океании (особенно полинезийцев и микронезийцев) стояло на высоком уровне. Полинезийцы были большими знатоками звездного неба, особенно-стей океана, морских течений, ветров [5; 7]. По звездам они определяли направления частей света, широту местности, время. Маори Новой Зеландии, как и остальные полинезийцы, различали на небе Южного полушария многие звезды и созвездия, а также планеты (к сожалению, многие названия современными маори уже забыты). Приведем некоторые из этих названий:

Млечный Путь — 'те Ика-Матуа-а Тангароа'

'те Икароа'

'те Мангороа'

'Мокороа-и-ата'

'те Паероа-о-Фануа'

'те Ика-а-Мауи'

Магеллановы облака 'Нга Патари'

Большое Магелланово облако 'Тиореоре'

Малое Магелланово облако 'Тикатаката'

Солнце 'Ра'

Группа звезд близ Ориона 'Хао о Руа'

Плеяды 'Матарики', 'Хуихуи о Матарики', 'Ао-каи', 'Хококу-мара'

Сириус 'Такуруа'

Юпитер 'Пареарау'

Венера 'Копу', 'Тавера'

Луна 'Махина'

Хотя никаких навигационных приборов у полинезийцев не было (кроме, возможно, так называемой «магической калебасы» гавайцев), они, тем не менее хорошо ориентируясь в океане, всегда вели свои ладьи по намеченному ранее курсу. Совершая ближние межостровные плавания, выходя в океан на рыбную ловлю, полинезийцы старались не терять из виду землю.

³ Морская миля (Великобритания, США) равна 1,853 км.

При дальних же плаваниях они ориентировались прежде всего по солнцу, звездам, а также учитывая направление течений и ветров [14, с. 70].

Полинезийцы знали 8 стран света; в соответствии с этим они различали ветры 8 или 16 румбов. Определение севера и юга было возможно по созвездиям Большой Медведицы и Южному Кресту, остальные румбы тоже определялись по точке восхождения определенных звезд и по моменту захода их (например, Альтаира, Антареса, Альдебарана).

Любопытная диаграмма (своеобразный небесный компас маорийцев), составленная со слов Мохи Туреи из племени Нгати-Пороу (Новая Зеландия), приводится с принятыми латинскими обозначениями румбов и ветров в книге Э. Беста [8, II, с. 211]. Приводим ее здесь и мы.

Легендарный Ру, отправившийся из Гавайки, обращается к богу — покровителю рыбаков и мореходов с такими словами:

«О Тангароа, в безбрежном пространстве

Разгони ты дневные тучи,

Разгони ты ночные тучи,

Пусть увидит Ру звезды на небе,

Чтобы привели они его в страну его желаний» [3, с. 100].

Ведь темное небо, покрытое тучами, было главным врагом мореплавателя, который терял свой основной ориентир — звезды. Герои полинезийских преданий, направляясь с Таити на Гавайские острова, плыли, держа курс лодки на Пояс Ориона (Меремере): «Кама-хуа-леле направил судно на север под Пояс Ориона, и в одно прекрасное утро мореплаватели опустили свой парус из циновки в бухте Хило» [3, с. 203, 214].

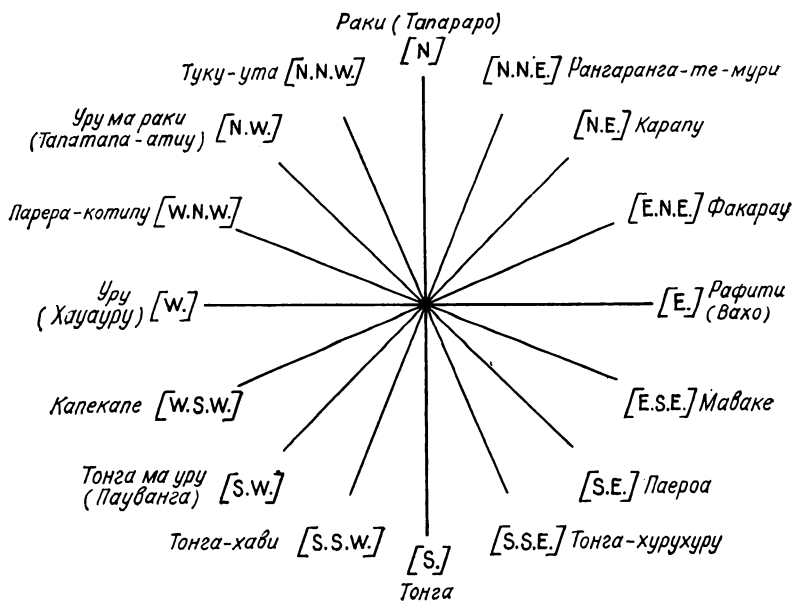
Вполне вероятно, что предки полинезийцев открывали острова, плывя в том или ином направлении, ориентируясь на какое-либо созвездие. Вот как об этом говорится в одном таитянском предании:

«Поплывем, но куда же нам плыть?

Поплывем на север, под Пояс Ориона» [3, с. 124].

В ясную погоду мореплаватели, находясь далеко от родного берега, легко могли по звездам определить широту нахождения их лодки. Для этого необходимо было найти кульминационное положение звезды, вытянув вперед к горизонту палку, в том случае, конечно, если на родном острове высота этой звезды над горизонтом была отмечена и сделана соответствующая зарубка. Определить долготу более сложно. Для этого точно нужно знать, какая звезда бывает в зените в ту или иную ночь (т. е. необходим своеобразный звездный календарь, которого, как считают, у полинезийцев не было). Приблизительно узнать долготу можно было при помощи свинцового отвеса [14, с. 70].

Полинезийцы узнавали о приближении земли издалека, по едва уловимым запахам, по пучкам водорослей, по косякам рыб, по полету птиц. Тропики — это зона циркуляции таких

Названия румбов у маори Новой Зеландии

птиц, как фрегаты (*Fregatidae*) (таит. *otaha*, рап. *makohe*), фаэтоны (*Phaetontidae*) (маор., рап. *tavake*, таит. *tava'e*), олуши (*Sulidae*) (таит. *nano*, *nao*, рап. *kena*), крачки (*Sternae*) (маор. *tara*, рап. *manutara*) и др. Как правило, утром птицы летят в сторону моря, а вечером возвращаются к островам. Полинезийцы могли следовать в своих плаваниях и за такими птицами, как золотистые ржанки: эти материковые птицы зимой переселяются с Аляски на юг, а летом возвращаются обратно на земли северных морей [14, с. 90; 3, с. 124].

На близость земли указывают и облака. Над большими островами часто бывают скопления облаков и туч. Лагуны маленьких атоллов отражаются зеленоватыми бликами на небе и в облаках [14, с. 89].

Очень опытными мореплавателями были жители Маршалловых островов. Известно, что у них была и своеобразная карта, сделанная из прутьев в виде шара; прутья обозначали широту и долготу, волокна растений, вплетенные в основу из прутьев, показывали направление течений и ветров. Прикрепленными к шару раковинами были отмечены острова [14, с. 69].

Полинезийцы могли безошибочно предсказывать погоду на завтра, и делать это им помогало знание различных примет, связанных с силой морского прилива и состоянием облаков. По цвету воды они различали в океане моря, знали направления течений, хорошо различали приливы и отливы, зная их особен-

ности. Полинезийцы всю свою жизнь проводили на море, и неудивительно, что в их языках много терминов для определения различного состояния моря, как, например, в рапануйском:

‘бурное море’	<i>таи ваве</i>
‘рябь, зыбь’	<i>таио</i>
	<i>таи вананга</i>
‘шквал’	<i>таи парилари</i>
	<i>таи поко</i>
‘буруны’	<i>таи хати</i>
	<i>таи каукау</i>
‘морской прилив и отлив’	<i>таи ненгоненго</i>
	<i>таи парера</i>
	<i>таи тити</i>
‘прилив’	<i>таи уа</i>
‘начинающийся прилив’	<i>таи рану</i>
‘нарастающий прилив’	<i>таи уа хини</i>
‘прилив, достигающий высшей точки’	<i>таи хахати</i>
‘отлив’	<i>таи папаку</i>
‘начинающийся отлив’	<i>таи хори</i>
‘отлив, достигающий высшей точки’	<i>таи мау</i>
‘волны бурного моря’	<i>пари</i>
‘волны, налетающие друг на друга’	<i>попо</i>
‘вихрь, водяной смерч’	<i>охиохио (охи роохиро)</i>

В языке рапануйцев зарегистрировано также большое количество терминов для обозначения состояния облаков в зависимости от их формы, величины, цвета (в связи с атмосферными изменениями):

‘небо, покрытое красноватыми облаками’	<i>ранги ата меа ахи-ахи</i>
‘светлые облака’	<i>ранги ата теа</i>
‘красные облака’	<i>ранги е ата</i>
‘перистые облака’	<i>ранги хое каи</i>
	<i>ранги каи</i>
‘дождевые облака’	<i>ранги керекере</i>
‘слоисто-кучевые облака’	<i>ранги кирикири миро</i>
‘облака в форме статуй (моаи)’	<i>ранги моамоаи</i>
‘кучевые облака’	<i>ранги пунга</i>
	<i>ранги пунгапунга</i>
‘высокие кучевые облака’	<i>ранги теа</i>

'белые облака'	<i>ранги театеа</i>
'темные облака'	<i>ранги ури</i>
	<i>ранги уриури</i>
'слоистые облака'	<i>ранги вири</i>
'туча'	<i>ранги амоанга</i>
'грозовые тучи'	<i>ранги попоро</i>
'темные тучи'	<i>ранги хакамаире па</i>

Перистые облака указывали на возможное изменение погоды в ближайшее время; слоисто-кучевые, кучевые облака говорили о приближающейся непогоде; красноватые блики на облаках вечернего неба предсказывали, что штиль скоро сменится резкими порывами ветра [12, с. 314].

Вот что писал испанский мореплаватель XVIII в. Андриа-и-Варела об искусстве полинезийских навигаторов: «Выходя из гавани, кормчий мысленно отсчитывает должные румбы, ведя эти отсчеты с востока. Он знает, в каком направлении нужно вести судно, он учитывает, дует ли ветер с кормы, в левую или правую скулу или под острым углом к заданному курсу. Он знает, откуда идет волнение на море, и учитывает, в какой мере все эти обстоятельства влияют на его курс. И по тому, откуда дует ветер и идет волнение, выбирает наиболее выгодный курс, учитывая снос под ветер. Задача осложняется, если день облачный, ибо тогда у кормчего нет ориентиров. Перемену ветра он улавливает, пользуясь флюгерами — султанами из перьев или пальмовых волокон...

Больше всего меня поразило, когда два островитянина, которых я взял на Раиатеа, еженощно предсказывали мне, какая завтра будет погода — ветер ли, дождь, ясное небо — и будет ли на море большая или малая волна, причем они ни разу не ошибались в своих прогнозах»⁴.

Учитывая все сказанное здесь о навигационном искусстве народов Океании, о возможностях их транспортных средств, мы вполне можем допустить, что отдельные экипажи мореплавателей, прежде всего полинезийцы, освоившие крайние форпосты в Тихом океане, доходили и до берегов Южной Америки, пользуясь Экваториальным противотечением. «Конечно, отдельные струи и частые штили в узкой полосе, именуемой Экваториальным противотечением, на определенных участках, — отмечает норвежский путешественник и исследователь Тихого океана Тур Хейердал, — облегчают продвижение на восток по сравнению с плаванием против быстрых западных течений южнее и севернее этой полосы, и при известных усилиях полинезийцы, бесспорно, могли пройти этими широтами в Южную Америку» [6, с. 33].

Те Ранги Хироа считал нелепой теорию тех ученых, которые

⁴ Цитируется по книге Я. М. Свет [2, с. 34—35].

полагали, что при существующих пассатах (дующих с юго-востока) полинезийцы не могли плыть на восток: капитаны, плавающие на шхунах в южных морях, подтвердили бы, отмечал он, что, если бы им нужно было отправиться в исследовательское плавание, они предпочли бы плыть против господствующих ветров. В этом случае после истощения продовольственных запасов они могли бы, подгоняемые попутным ветром, быстрее вернуться домой [3, с. 72].

Так поступать должны были, очевидно, и опытные полинезийские мореходы.

Не только быстроходные полинезийские ладьи бороздили просторы Тихого океана. Индейцы тихоокеанского побережья Южной Америки на бальсовых плотках, управляемых рулями-гуарами, выходили в океан на лов рыбы, плавали вдоль берегов от одного порта до другого. Испанские конкистадоры встречали большие индейские парусные плоты (грузоподъемностью до 36 т) и вдали от тихоокеанского берега. Перуанцы плавали, очевидно, и с разведывательной целью — найти новые острова, места обильного лова.

Вопросы мореходства у перуанцев подробно освещены в статье Т. Хейердала «Бальсовый плот и роль гуар в аборигенном мореходстве Южной Америки» [6, с. 76—97]. Основываясь на преданиях, сообщениях хронистов, мореплавателей, он показал, что плоты из свежесрубленной бальсы, управляемые гуарами, отличались большой плавучестью и что индейцы могли на них выходить далеко в открытый океан и достигать островов Полинезии. Правильность своей гипотезы Т. Хейердал попытался подтвердить смелым историческим экспериментом — плаванием на плоту «Кон-Тики».

Распространение различных культурных растений — батата, кокосовой пальмы, хлопчатника, бутылочной тыквы и других — тоже указывает на существование контактов между народами Полинезии и Южной Америки еще в доколумбову эпоху. Можно предпологать при этом, что аборигены Южной Америки смогли достичь некоторых островов Океании [6, с. 90].

Своеобразное подтверждение того, что между народами Полинезии и Южной Америки издавна существовали морские связи, мы находим и в сообщениях ранних испанских хронистов (Бетангоса, Акосты, Сиеса де Леона, Сармьенто де Гамбоа, Гарсиласо де ла Вега и других), которые приводят много перуанских легенд.

Версии легенд, относящиеся к данной теме, можно объединить в три группы: это легенды о боге Вира-коче, легенды о гигантах и легенды о плаваниях Топа Инки Юпанки.

Бетангос был среди тех испанцев, которые начали завоевание Перу. Последние годы жизни он провел в Куско, женившись на индейке. В своей книге «Очерки и рассказы об инках» [9, с. 82—83] Бетангос приводит версию о том, как бог

Ви́ра-коча, творец всех вещей, создал вселенную и первых людей:

«В древние времена мрак окутывал, как рассказывают, землю и провинции Перу; не было ни огня, ни дневного света. В те времена жили здесь какие-то люди во главе с каким-то вождем, которому они подчинялись. Названия этого народа и имени вождя, который ими правил, они не помнят. И вот в то время, когда все в этой стране было покрыто тьмой, со стороны лагуны, что в Перу, в провинции Колльясуйо, пришел, как рассказывают, вождь, которого звали Кон-Тики Ви́ра-коча⁵; с ним пришли люди, о числе которых упоминаний нет. Выйдя из лагуны, он приблизился к тому месту, где сейчас находится деревня Тиахуанако упомянутой выше провинции Колльясуйо. Когда он со своими людьми пришел туда, он сразу же, рассказывают они, создал солнце и день и заставил солнце двигаться по тому пути, по какому оно движется и сейчас; потом он создал звезды и луну. О Кон-Тики Ви́ра-коче рассказывают, что он появлялся и до этого и создал небеса и землю, которые оставил во мраке; и когда он создал людей, [обреченных] на жизнь в потемках, как сказано выше, то люди поступили плохо по отношению к Ви́ра-коче; так как он был рассержен, то он снова вернулся и превратил первых людей и их вождя в камни в наказание за то зло, которое они причинили ему».

Кон-Тики Ви́ра-коча послал своих учеников в разные провинции Перу, с тем чтобы они помогли людям, которых он создал, заселить эту пустынную местность вплоть до тех мест, где восходит солнце. Сам же Кон-Тики Ви́ра-коча отправился по направлению к Куско. По пути он продолжал заселять страну, создавая мужчин и женщин из скал, источников, рек. Дойдя до Куско, бог создал им вождя.

Кон-Тики Ви́ра-коча дошел до провинции Пуэрто-Вьехо и здесь (на побережье Эквадора) встретился со своими учениками. Там они все вместе вошли в воду, пошли по ней, как по земле, и исчезли [9, с. 85—89].

Сиеса де Леон был современником Бетансосо, но прибыл в Перу позднее, несколько лет спустя после завоевания страны. В версии, которую приводит Сиеса де Леон (а она намного подробнее предыдущей), творцом вселенной назван Ви́ра-коча.

Его версия также представляет собой контаминацию каких-то древних перуанских легенд о сотворении мира и христианских сказаний о чудесах, совершаемых Иисусом Христом и его учениками. В ней индейцы рассказывают о том, что в течение долгого времени они жили, не видя солнца, и очень страдали из-за этого; с молитвами и обетами обращались они к своим богам, моля вернуть свет, которого им недоставало. «И вот с острова Тигикака, который находится на большом озере Колья, поднялось солнце во всем своем великолепии, чему все очень обрадовались. После того как это произошло, с юга пришел и

⁵ Имя Кон-Тики Ви́ра-коча упоминается лишь этим хронистом. Что значит морфемы *кон* и *тики*, сказать трудно.

поселился среди них, как рассказывают, белый человек высокого роста, сам вид и фигура которого требовали большого уважения и преклонения. Человек этот (они знали его в таком образе) обладал огромной силой, превращал холмы в равнины, создавал высокие горы из равнин, заставлял бить родники из скал. И когда они увидели мощь его, они назвали его „Творец всех вещей, начало их, отец солнца“, ибо помимо этого он сделал еще очень многое, дал жизнь людям и животным, одним словом, много полезного получили они из его рук. И этот человек, как рассказывали индейцы со слов предков (а те, в свою очередь, узнали об этом из дошедших до них древних песнопений), продолжал свой путь на север, совершая свои чудеса, проходя по горным местностям; здесь они его больше никогда не видели.

Они рассказывают, что во многих местах он учил людей, как жить, и говорил им кротко и доброжелательно, убеждая их быть добрыми и не причинять друг другу зла, а, напротив, любить друг друга и оказывать всем милосердие. Во многих местах его называли Тики-Вира-коча, хотя в провинции Кольа его звали Туапака, а в других местах — Арнаун. Во многих местах в его честь воздвигали храмы, где устанавливали статуи, изображающие его, перед которыми они [индейцы] совершали жертвоприношения.

Огромные статуи Тиахуанаку относятся, как полагают, к тем же временам; из того, что сохранилось от прошлого, они рассказывают только то, что известно о Вира-коче; нового ничего о нем они не знают, и не знают даже, вернулся ли тот когда-либо обратно.

Кроме этого они рассказывают, что спустя некоторое время объявился другой человек, очень похожий на описанного выше, но имени которого они не знают, и что от предшественников они слышали, что, где бы он ни был, он излечивал от болезней, возвращал зрение слепым, произнося лишь слова заклинания, и его очень любили за его добрые дела. И таким образом, творя великие дела, произнося одни слова заклинания, он дошел до провинции Кана. Местные жители встретили его без особого внимания и подошли с намерением побить его камнями. Подойдя к нему, они увидели, что он стоит на коленях, вознеся руки к небу, как бы прося бога оградить его от опасности, которая ему угрожает. Дальше индейцы продолжают, что в этот самый момент на небе вспыхнул сильный огонь, так что они подумали, что будут все сожжены. Дрожа от страха, они собрались все вокруг того, кого хотели только что убить, и, громко крича, просили спасти их, так как осознали, что это наказание послано им за их грех — за желание побить его камнями. Затем они увидели, что, когда он отдал приказание огню, тот погас, но языки пламени были настолько обжигающими, что пожигали камни.

И далее они рассказывают, что, покинув это место, он пошел дальше, пока не дошел до моря, где, раскинув на воде плащ, он поплыл на нем по волнам; он никогда больше не появлялся [здесь], и они его никогда больше не видели. Зная, каким способом он отплыл [в море], они дали ему имя Вира-коча, что означает „пена моря“. После того как это произошло, на другой стороне реки в деревне был построен храм; в его низкой нише был сооружен большой каменный идол» [10, с. 27—29].

Приведем еще одну легенду о Вира-коче, записанную в 60-х годах XVI в. талантливым испанским ученым и историком Педро Сармьенто де Гамбоа [19, с. 23, 27—28]:

«Жители этой земли говорят, что сначала, еще до того, как был создан мир, был только Вира-коча. Это тот, кто создал темный мир, без солнца, луны и звезд. За создание [мира] его и прозвали Вира-коча Пачаячачи, что означает „Творец всех вещей“. Создав мир, он сделал безобразных из-за своего роста гигантов, нарисованных или изваянных в камне, чтобы посмотреть, хорошо ли будет, если людей сделать таких же размеров. И так как они оказались больше его самого, он сказал: „Нет, нехорошо, если люди будут такими большими, [пусть] лучше они будут ростом с меня“. И создал людей по своему подобию, такими, какие они сейчас.

Жили они в потемках. Вира-коча приказал им жить в мире, знать его и служить ему. Но так как люди ослушались его, то Вира-коча разрушил землю потопом и погубил людей, сохранив жизнь двоим, чтобы они помогли ему заново создать вселенную и людей.

Закончив создание людей [во второй раз], Вира-коча отправился в путь и дошел до одного местечка, где собралось много людей, созданных им; это местечко теперь называется Кача. Когда Вира-коча прибыл сюда, жители местечка поразили его своим плохим обхождением, они шептались, [глядя на него] с холма, который там находился, и задумали убить его. Взяв оружие, они хотели уже привести в исполнение свое намерение. Но [Вира-коча], преклонив колени на ровной земле, поднял к небу лицо и руки [и вызвал] огонь, который обрушился сверху на тех, кто был на горе; огонь объял все местечко, земля и камни вспыхнули, как солома. И так как эти плохие люди испугались ужасного огня, они спустились с горы и бросились к ногам Вира-кочи, прося прощения за свои грехи. Вира-коча сжалился и своим посохом погасил огонь...

После этого Вира-коча продолжал свой путь дальше [и дошел] до местечка, что в шести милях на юг от Куско. Он пробыл там несколько дней, и жители этого местечка очень заботились о нем. А когда он ушел оттуда, они сделали в его честь грот или статую, чтобы поклоняться ему и совершать здесь жертвоприношения. Вира-коча продолжал свой путь, свершая свои дела и обучая людей, созданных им. Так дошел он со своими учениками до Порто-Вьехо и Манты, и там встретился он со своей паствой.

Желая покинуть землю Перу, он сказал речь, обращаясь к тем, кого обучал, уведомляя их о том, что произойдет в будущем. Он сказал им, что придут какие-то люди, которые назовут себя Вира-коча, творцом их, но чтобы они не верили им; что потом вернутся обратно его ученики, чтобы за-

щитить их и научить, как жить. И, сказав это, он вошел со своими учениками в море и пошел по воде, как по земле, не утонув. Так как он шел по воде, как пена, его называли Вира-коча, что означает „жир или пена моря“.

Несколько лет спустя после ухода Вира-кочи в лагуну Титика пришел Тагуапака, которого послал сюда Вира-коча, как уже сказано, и вместе с другими [учениками] стал учить, кто такой Вира-коча».

Легенда о Вира-коче весьма любопытна в этиологическом плане: она по-своему объясняла инкам происхождение не только небесных светил, животных, людей, но и появление святынь Титикака, Кача, Уркос, древних каменных изваяний в Тиахуанако и Пукара [14а, с. 316].

Версии легенды интересны и в связи с данной темой; во всех приведенных выше записях указывается район Пуэрто-Вьехо или порт Манта (что на крайнем севере государства Инков, близ линии экватора, там, где проходит Южное пассатное противотечение) как удобное, видимо, место выхода в океан. Отсюда отплыл на запад бог Вира-коча.

Район Манты упоминается в легенде об ужасных гигантах, прибывших некогда на тихоокеанское побережье Южной Америки [13, с. 486—487]. В этой легенде нашли, вероятно, отражение как воспоминания о морских контактах, игравших немаловажную роль в жизни тихоокеанских народов⁶, так и страх, который охватывал индейцев при виде попадавших им иногда костей давно вымерших животных.

«Во всем Перу утверждают, говорит он [Сиеса де Леон], что какие-то великаны причалили в этом месте [в районе Манты], у мыса Св. Елены, который граничит с городом Пуэрто-Вьехо. Я расскажу здесь то, что слышал, не останавливаясь на молве, которая все раздувает. Жители страны, которые сохранили [это] предание до наших дней, передавая его от отца к сыну, говорят, что эти гиганты прибыли морем в тростниковых лодках больших размеров; что они были такого большого роста, что их ноги до колен были величиной с человека среднего роста; что у них были очень длинные волосы, которые в беспорядке свисали до плеч; что глаза были с тарелки, другие части их тела были [тоже] большими; что бороды у них не было; что одни ходили совсем голыми, а другие покрывали тело шукурами диких животных и что у них не было женщин. Пристав к берегу, они поселились в одном метечке (жители страны называют его) и вырыли в скалах очень глубокие колодцы, чтобы добывать воду, которой им недоставало. Это было очень солидное сооружение, которое сохранилось до наших дней, откуда черпают очень хорошую, отличающуюся большой свежестью воду.

Гиганты эти жили разбоем и опустошили всю равнину. Они были как прожорливы, что каждый из них съедал, как говорят, больше мяса, чем все

⁶ Отметим, что именно в северных диалектах языка кечуа зарегистрировано известное во всех полинезийских языках слово *кумар* 'батат', 'сладкий картофель'.

жители страны. Они также ловили сетями рыбу, которая была составной частью их рациона. Они убивали мужчин по соседству безо всякого сожаления, убивали и женщин, воспользовавшись ими. Бедные индейцы долго искали способа избавиться от этих докучливых гостей, но у них не хватало ни сил, ни мужества, чтобы напасть на них. Пользуясь их страхом, новые чудовища долго тиранили их; в конце концов они открыто предались разврату... Но божественное правосудие не оставило их преступление безнаказанным. Индейцы рассказывают, что во время их дебоша небесный огонь обрушился на них с огромным шумом и что ангел, вооруженный сверкающим мечом, сразил всех их одним ударом. Добавляют, что огонь не поглотил ни их костей, ни их черепов, чтобы служили они вечным напоминанием о возмездии бога. И на самом деле, в этом месте находят кости необыкновенной величины; я слышал, что испанцы видели их зубы, каждый из которых весил полфунта. Они рассказывают еще про одну кость огромной величины. Но если этого недостаточно, чтобы подкрепить рассказ о гигантах, то [можно указать на] цистерны, которые приписывают им и которые можно видеть и сейчас; если я не ошибаюсь, они подтверждают их существование.

Наконец, никто не знает, откуда и по какому пути они пришли в эту страну».

Версия, записанная хронистом П. Гутьерресом де Санта Клара, несколько отличается от предыдущей. Из этой хроники мы узнаем, что великаны прибыли на «очень больших лодках или бальсах из тростника и сухого дерева, снабженных треугольным латинским парусом» [18, с. 176]. И далее: «Великаны страны рассказали жителю этой земли о том, что они прибыли с больших островов и земель, которые расположены в западной части Южного моря, и что они были изгнаны оттуда великим вождем индейцев, который там появился; что они [индейцы] похожи на них и такого же большого роста, как они. И далее, что много дней плыли они по морю под парусами и управляли веслами и что однажды шторм и буря разбросали их и они не знали, куда плывут, и они желали оказаться скорее поработенными на чужих землях, чем жить в своей стране свободными, но в постоянных войнах; рассказывали они и многое другое» [18, с. 176].

В версиях о великанах, несомненно, больше вымысла, чем правды. Скорее всего единственное зерно истины в том, что плавания с запада на восток, к берегам Америки, были, и воспоминания о них сохранились у индейцев Перу, хотя бы в столь сказочной форме.

Южноамериканские индейцы рассказывают в преданиях и о дальних плаваниях своих предков.

В одной из поздних легендарных версий, записанных Сармьенто де Гамбоа, рассказывается о том, как Топа Инка Юпанки плывал к дальним островам, лежащим на запад от Южной Америки [19, с. 90—91]. Несмотря на то что сюжет легенды оброс явно вымышленными деталями, он представляет особый

интерес, так как описываемые события относятся к сравнительно недавнему прошлому перуанцев.

Топа Инка Юпанки был правителем империи инков в последней трети XV в. (это дед братьев-правителей, которых застали испанцы). Топа Инки Юпанки расширил границу империи инков, присоединив на севере большую часть современной территории Республики Эквадор. Он захватил государство Чиму и овладел всем побережьем, вплоть до Лимы.

Текст легенды приводится с некоторыми сокращениями:

«[Топа Инка] завоевал всех уанкабиликас, хотя они были очень воинственны и сражались как на суше, так и на море на бальсовых плотах — от Тумбеса до Хуанапы, до Хуамо, до Манты, до Турука, до Квизин. Тогда Топа Инка, продвигаясь вперед, завоевал берег Манты и острова Пуна и Тумбес, туда прибыли купцы, которые пришли с запада морем на бальсах под парусами. От них стали известны земли, откуда те пришли,— это острова Ава-чумби и Нинья-чумби, где много людей и золота. Так как Топа Инка был человеком большой энергии и серьезных замыслов и не довольствовался завоеваниями на суше, то он решил испытать, какое счастье приносит море. Но он не очень-то доверял купцам, плававшим по морям; он говорил так: купцы — это не те люди, которым нужно сразу же верить, так как они много говорят. И чтобы иметь больше сведений, почерпнутых не из торговых кругов, он позвал человека, который сопровождал его в завоевательских походах; звали его Антарки, о нем все говорили, что он большой волшебник, так как мог летать по воздуху. Топа Инка спросил его, верно ли то, что рассказывают об этих островах купцы. Подумав хорошенько, Антарки ответил ему, что купцы говорят правду, и благодаря своему искусству разведал дорогу [туда], повидал острова, их население и, возвратившись, рассказал обо всем Топа Инке.

Тот с уверенностью решил направиться туда. Для этого он сделал огромное количество бальсовых плотов, на которых разместил больше 20 тысяч отборных солдат. Капитанами с собой он взял Хуамана Ачачи, Конде Юпанки, Кихуал Топа из Ханан-Куско, Янкана Майта, Кисо Майта, Качимапака Макус Юпанки, Лымпита Уска Майта (Хурин-Куско); командиром войска назначен был его брат Тилька Юпанки; командовать войском, оставшимся на берегу, назначен был Апу Юпанки.

Топа Инка поплыл и открыл острова Ава-чумби и Нинья-чумби и, вернувшись оттуда, привез черных людей и много золота, [а также] латунный трон, шкуру и челюсть лошади.

Эти трофеи хранились в Куско до прихода испанцев.

...Одни говорят, что Топа Инка путешествовал более девяти месяцев, другие — в течение года, и так как он отсутствовал очень долго, то все считали его уже мертвым...».

Трудно представить себе, что перуанцы на своих бальсовых плотах могли добираться до островов Меланезии. Поль Риве тем не менее ссылается на сообщение Гутьерреса де Санта Клара о двух неграх, живших на побережье Перу, которые рассказывали о том, что они приплыли сюда на бальсах с запада, из

той части Южного моря, которая сейчас называется Новая Гвинея [18, с. 177].

Осколки глиняной посуды, обнаруженные Т. Хейердалом [6, с. 98—120] на Галапагосских о-вах, показывают, что индейцы могли периодически посещать их. Острова Галапагос и Кокос могли служить своеобразной базой отдыха и пополнения запасов пищи для перуанских мореходов, направлявшихся к более отдаленным островам Тихого океана. Благодаря подобным путешествиям (редким или многочисленным) жители прибрежных районов Южной Америки получали сведения о землях, расположенных далеко на западе: «Все эти индейцы, [живущие на побережье], единодушно говорят, что во всех этих морях имеются огромные земли и бесчисленные острова, что их предки добирались туда и что с этого побережья плавали даже до отдаленных земель, перебираясь с одного острова на другой. Указывают, что если плыть все время „дорогой солнца“, то первые из островов [появляются] на расстоянии 100 лиг⁷, там они имели обыкновение запасаться на целый год черепашиным мясом» [18, с. 177].

Остановимся в заключение на сообщении еще одного испанского хрониста: Патер Акоста, который находился в Перу с 1569 по 1585 г., отмечал, что индейцы Ики и Арики имели обыкновение в прежние времена плавать на запад к далеким островам. Это сообщение ценно тем, что Ика и Арика, находящиеся на тихоокеанском побережье южнее Тиахуанако, отмечаются как удобные порты, откуда перуанцы могли отправляться в дальние плавания. Археологические раскопки, обнаружившие здесь доевропейские гуары и плоты из бревен, показывают, что эти районы были древнейшими центрами мореходства в Южной Америке.

Т. Хейердал полагает, ссылаясь на сообщения Акосты и капитана Франсиско де Кадра (который вскоре после завоевания империи Инков получил интересную информацию от старика индейца Чепо), что именно из Арики и Ики перуанские плоты могли отплывать в сторону о-вов Сала-и-Гомес и Пасхи [6, с. 68—69].

Итак, подчеркнем еще раз, что фольклорные памятники как полинезийцев, так и перуанцев наряду с интересными данными, касающимися их мореходства, показывают, что между тихоокеанскими народами существовали морские контакты. Насколько частыми были плавания в Тихом океане, приводили ли они к массовым переселениям с запада на восток и с востока на запад, сказать пока невозможно.

Эта проблема может быть разрешена в будущем усилиями археологов, антропологов и этнографов разных специальностей.

⁷ Я. М. Свет не сомневается в том, что речь идет об о-вах Галапагос [2, с. 47].

ЛИТЕРАТУРА

1. В. И. Войтов. Морские пути в Полинезию.— «Природа». М., 1965, № 2.
2. Я. М. Свет. История открытия и исследования Австралии и Океании. М., 1966.
3. Те Ранги Хироа. Мореплаватели солнечного восхода. М., 1950.
4. И. К. Федорова. Ареои на острове Пасхи (по материалам рапануйского фольклора).— «Советская этнография». М., 1966, № 4.
5. И. К. Федорова. Календарь полинезийцев.— Проблемы Австралии и Океании. М., 1976.
6. Т. Хейердал. Приключение одной теории. Л., 1969.
7. К. Akerblom. Astronomy and Navigation in Polynesia and Micronesia. Stockholm, 1968.
8. E. Best. The Maori. Vol. I—II. Wellington, 1924.
9. J. Betanzos. Suma y Narración de los Incas. Madrid, 1880.
10. P. Cieza de León. The Inka. Norman, 1959.
11. Colum D. Legends of Hawaii. New Haven, 1937.
12. Englert S. La tierra de Hotu Matu'a. Las Casas, Chile, 1948.
13. Garsilasso de la Vega. Inka, Histoire des Inkas rois du Pérou. Amsterdam, 1737.
14. J. Golson [a. o.]. A Symposium on Andrew Sharp Theory of Accidental Voyages.— «Journal of Polynesian Society». New Plymouth, 1962, vol. 71, № 3.
- 14a. Handbook of South American Indians. Vol. II. Wash., 1946.
15. Henry T. Ancient Tahiti. Bernice P. Bishop Museum Bull 48. Honolulu, 1928.
16. Métraux A. Ethnology of Easter Island. (Bernice P. Bishop Museum Bull 160). Honolulu, 1940.
17. Mühlman W. E. Die geheime Gesellschaft der arioi. Leiden, 1932.
18. Rivet P. Relaciones comerciales precolombianas entre Oceania y America. Parana, 1928.
19. Sarmiento de Gamboa P. Geschichte des Inkareiches. B., 1906.
20. Sharp A. Ancient Voyagers in Polynesia. Berkeley and Los Angeles, 1964.
21. Tumarkin D. D., V. I. Voitov. Navigational Conditions of Sea Routes to Polynesia. M., 1966.